

Новая Польша 4/2012

0: В ПОЛЬШЕ БЫТЬ СМЕЛЫМ ЛЕГЧЕ

— *Ощущаете ли вы себя историком?*

— Нет, историком я по-прежнему себя не ощущаю. По образованию я инженер, а по профессиональному призванию — редактор. Меня часто принимают за историка, однако я считаю это недоразумением. Правда, работая редактором, я приобрел немалые исторические знания, но это нельзя назвать «прочным» академическим фундаментом. Я использую историю, я работаю с ней — со свидетелями новейшей истории. Эти люди, чтобы они могли возвращаться вместе с нами к своему прошлому, должны иметь в центре «Карта» партнера, и без нашего профессионального участия это было бы невозможно. Те знания, о которых мы говорим, вовсе не следует связывать с профессией историка, этого не требуется.

Иногда за выполнение исторического долга берутся вследствие того, что было пережито нечто важное или есть ощущение, что важные темы не затрагиваются в общественной жизни. «Карта» была создана в январе 1982 г. как независимое периодическое издание, чтобы реагировать на зло, которым стало введение в Польше военного положения. Это был листок, страница, с обеих сторон которой печатался текст — протест против того, что сотворили с нами коммунисты. Этот листок должен был помогать обществу в скором и неизбежном, как нам тогда казалось, свержении коммунизма. Мы были убеждены, что эта варварская атака на широко развернувшуюся «Солидарность» не может закончиться успехом коммунистов. Позднее, после «усмирения» общества, мы преобразовали «Карту» в издаваемый в подполье альманах (толстый журнал), в котором рассказывалось о судьбах людей и об их отношении к разным диктатурам.

Мы уже тогда стали помещать в нашем издании сообщения из Советского Союза, считая, что опыт людей, которых там подвергали давлению, будет ценен для понимания нашего коммунизма, все более и более приобретающего советский формат.

В 1987 г. мы положили начало более широкой, в общепольском масштабе, деятельности — документированию судеб граждан Второй Речи Посполитой, подвергшихся репрессиям в Советском Союзе после 17 сентября 1939 года. Мы организовали Восточный архив, ставший общественным движением, которое действовало в течение полутора лет подпольно. Мы записывали рассказы поляков, которые подверглись преследованиям и были готовы об этом говорить.

— *Примерно в это же время в Советском Союзе появился «Мемориал», ваше alter ego.*

— Наши организации создавались в одно и то же время, нас потом объединяли общие устремления и цели. И в том и в другом случае подобного рода активность возникла из ощущения, что мы обязаны выполнить свой долг перед поколениями, которые попали в самые страшные жернова советской системы.

Когда в 1989 г. произошло изменение государственного строя и наша деятельность стала легальной, «Карта» превратилась в исторический журнал, посвященный Польше и Центрально-Восточной Европе в XX веке. На основе Восточного архива возникла неправительственная организация, которая силами представителей общественности стала заниматься документированием прошлого. Центр «Карта» объединил обе сферы нашей активности — издательскую и документационную.

Тогда же мы вышли на «Мемориал». Петр Мицнер на рубеже 80-х — 90-х годов ездил в Россию в связи со своей театральной работой и познакомился с мемориальцами. Петр стал главным инициатором сотрудничества. Он рассказывал о них, говорил, что собой представляют эти удивительные демократы, абсолютно лишенные имперских замашек, люди, благодаря которым между нами возможен исторический диалог. Они оказались нашими естественными союзниками.

Деятели «Мемориала», с которыми мы познакомились, как оказалось, настолько были заинтересованы тем, что происходит в Польше, что появилась возможность подумать о совместной «Неделе совести». В апреле 1992 г. в Варшаве встретились поляки — жертвы советского режима и российские исследователи этого режима. Тогда в Варшаву приехало более пятидесяти мемориальцев. Так началось наше сотрудничество. Оказалось, что с русскими можно разговаривать не как с представителями системы, которым надлежит искупить свою вину, но как с братьями, которые склоняют голову перед общими жертвами тоталитаризма.

Это был невероятно важный диалог, вызывавший энтузиазм с обеих сторон, причем диалог весьма практический. Мемориальцы помогали полякам добывать информацию о прошлом — их или их близких — в Советском Союзе. Потом мы наблюдали, как открывалось закрытое государство, в котором, казалось, информация совершенно недоступна. Лавиной шла переписка. В результате такого сотрудничества значительно расширился «Указатель репрессированных». На сегодняшний день в этой базе данных насчитывается около миллиона биографий. В большинстве своем они создавались благодаря поддержке «Мемориала», который получал доступ к архивам советского времени. Этот великий процесс позволяет тысячам семей восстановить свою историю, узнать о судьбе близких, проследить сложные биографии.

— *Каким образом удалось убедить свидетелей истории заговорить, рассказать о самых трагических моментах своей жизни, преодолеть страх?*

— В самом начале, еще в тот период, когда мы действовали в подполье, это было делом очень трудным, и мы часто проигрывали. Они боялись последствий, просили оставить их в покое, не хотели подставлять себя под очередной удар коммунистической системы. Мы убеждали, что для человека нет ничего хуже, чем лишиться его прошлого, и с этим нельзя соглашаться. Мы уговаривали их преодолеть себя, сбросить маску и благодаря этому обрести свое настоящее лицо.

Поворотным пунктом оказалось появление на рубеже 1988-1989 гг. «Союза сибиряков». Люди стали относиться к нам с большим доверием, начали рассказывать о том, что им пришлось пережить. После того как мы задали членам «Союза» вопрос, готовы ли они предоставить нам свои сообщения, к нам поступило около тысячи заявок. Тогда уже масштаб акции превысил наши возможности.

— *В марте 1985 г. за свою деятельность вы оказались в тюрьме, где провели более полугода. Как этот период повлиял на вашу миссию в дальнейшем?*

— Мотивировок к тому, чтобы противостоять режиму у меня уже было достаточно много, тюрьма не стала дополнительным стимулом. Выйдя на свободу, я вернулся к работе над подпольной «Картой», а через некоторое время мы организовали Восточный архив. В тюрьме на Раковецкой улице в Варшаве я понял, что нахожусь в таком месте, которое имеет особое значение для судеб людей, становившихся жертвами очередных волн коммунистических репрессий. Я почувствовал, что важно запечатлеть, как тут всё выглядело в предыдущие десятилетия, что тут было до меня, какие заключенные здесь сидели. И это стало для меня важным импульсом, чтобы заняться прошлым.

— *Хотя вы и не считаете себя историком, но получается, что скорее история занялась вами, чем наоборот.*

— История занялась мной, как любым тогдашним гражданином ПНР. Она нанесла болезненный удар, особенно чувствительный в связи с введением военного положения. «Карта» стала формой отказа повиноваться системе, сигналом того, что мы не будем ей служить. Благодаря «Карте» я также стал потом ощущать ритм прошлого и одновременно нашу связь с минувшим.

Я не выбирал историю сознательно. Хотя после тюрьмы я понял, что мы имеем дело с ампутацией весьма важного для нашего коллективного сознания сегмента и что с этим дефектом надо что-то делать. Осознав это, начинаешь понимать, что уже невозможно с пренебрежением относиться к своей собственной ответственности. Это пришло как внутреннее осознание взятой на себя миссии, ее необходимости, что и по сей день довольно сложно объяснить. Вдобавок школа меня настолько отвратила от истории в особенности, да и вообще от гуманитарных предметов, что я выбрал для изучения в вузе техническое направление.

Неожиданно важным оказалось то, что пережил мой отец, узник четырех гитлеровских лагерей, он умер в январе 1986 года, через четыре месяца после того, как я вышел на свободу. Когда его не стало, я понял, что почти ничего о нем не знаю, что хотя в предшествующие годы он хотел рассказать о пережитом, но я не был тогда готов его выслушать. Несмотря на то что я был редактором, я не помог записать его воспоминания, а сам он не занялся этим. Так возник импульс записывать истории других людей.

Смерть отца заставила меня осознать это явление общей исторической, ментальной амнезии. Ответственность редактора уже не позволила мне позднее покинуть пространство возвращающейся памяти.

Я должен был выйти из тени коммунизма, подобно тому, как это сделали члены «Мемориала». На протяжении многих лет мы работаем вместе, пытаемся освободить мир от лжи. «Наши русские», рассказывая о своей

миссии, говорили, что они находятся у подножия огромной горы, на вершину которой им никогда не подняться; в этом их Сизифов труд.

— *«Карта» покорила вершину своей горы?*

— У нас вершина ближе, но до окончательного ее покорения еще далеко. Наш самый большой успех — это по-прежнему то, что мы выжили, ибо множество раз мы были на грани банкротства. Поражений было много, рушились проекты, осуществление которых было необходимо. Мы хрупкая структура, у нас нет постоянного бюджета, как неправительственная организация мы добываем средства из всех доступных источников. Теперь благодаря обещанию министерства иностранных дел и ведомства культуры, мы можем выйти на финишную прямую. Если нам удастся получить постоянное финансирование, нам покорится некая часть этой горы, и мы не останемся у ее подножия, как в России.

Для того чтобы открывать историю, требуется смелость во всей Восточной Европе. Давать определение исторической действительности становится процессом трудным, когда мы затрагиваем самые болезненные вопросы, там, где на стыке событий между народами появлялась кровь. В Польше быть смелым легче, чем в России, поэтому мы не можем сравнивать себя с «Мемориалом», который идет против течения в сфере исторической политики России, часто встречаясь с огромным сопротивлением этой материи.

— Возможно ли опыт «Карты» привить на российской почве? Существует «Мемориал», но представляется, что по-прежнему это слишком мало для такой огромной страны.

— Мне хотелось бы, чтобы «Мемориал» стал в России столь же известен, как в Польше. Эта организация укоренена в польском общественном мнении, к ней относятся буквально как к представителям народа России, но, пожалуй, только у нас. «Карта» оказывает больше влияния на ход событий в Польше, чем «Мемориал» в России, где он идеологически существует отдельно от исторической политики государства.

Я не вижу необходимости создавать новые, похожие организации, но при нынешней политике российских властей нет особых шансов рассчитывать на то, что работа в этом направлении получит общероссийскую известность. Тем не менее сам факт, что есть «Мемориал», это для России — большое счастье, свет демократии в темном туннеле. Существование «Мемориала» свидетельствует, что возможно преодоление границ исторического интереса, изменение отношений между нашими народами.

— По прошествии тридцати лет ощущаете ли вы, что задуманное вами осуществилось?

— Нас отделял всего лишь шаг от поражения, так что сложно говорить об осуществлении задуманного. Если бы «Карта» сейчас рухнула, у меня было бы ощущение, что кончина ее весьма и весьма преждевременна. Мы находимся на середине пути, у нас планы на много лет вперед, мы видим, что общество нуждается во многом, что связано с историей и что по-прежнему не получило еще своего воплощения. Нам бы хотелось, чтобы наша структура крепла, чтобы у нее имелись шансы еще на много лет вперед. В том числе и партнерские — польско-российские. Нам надо еще столько сделать!

Беседу вел Томаш Кулаковский

1: К ТРИДЦАТИЛЕТИЮ «КАРТЫ»

Анджей Фришке, историк:

Существование центра «Карта» — величайшее благо, не только потому, что Центр занимается документированием, но и с той точки зрения, что он осуществляет свою деятельность, не имея, собственно, никаких финансовых средств. Ведь те средства, которыми «Карта» располагала в последние годы, это — грубо говоря — милостыня. Центр никогда не имел постоянного бюджета или дотаций.

Значение «Карты» огромно. Этот центр ценят все историки, я никогда не встречался с критикой в адрес «Карты». (...)

Сегодня центр «Карта» находится в драматической ситуации. Денег нет ни на что. Трудности центра в большой мере проистекают из несовершенного польского законодательства, которое, собственно говоря, не дает возможности существовать инициативам подобного рода. Действующие у нас принципы получения государственного финансирования в значительной степени формализованы и носят весьма узкий характер. В

целом они, разумеется, справедливы, ибо направлены на предотвращение коррупции, но для таких инициатив, как «Карта», они просто убийственны, ибо невозможно запланировать ее деятельность с той точностью, которой от нее требуют. Да и государство может финансировать не всё. В результате такая организация, как центр «Карта», не в состоянии справиться со всеми теми требованиями, которые к ней предъявляются.

Парадокс заключается в том, что центру «Карта» все дают положительную оценку, но несмотря на это он вечно бедствует и не получает того, что ему полагается. Без поддержки со стороны спонсоров «Карта» будет вынуждена ограничить свою деятельность или даже свернуть ее совсем.

11 февраля 2012

Анджей Пачковский, историк:

Неправительственным организациям в Польше очень нелегко функционировать. Меценатство частных лиц развито весьма слабо и сосредоточено либо на саморекламе, либо на благотворительной деятельности. Деятельность, связанная с документированием, научная, просветительская, а также в области художественного творчества не попадает в сферу интересов польских миллионеров. Поэтому такие организации обречены на спонсорство государства. Но государство располагает собственными институтами подобного характера, а кроме того, государство не может быть хорошим спонсором, ибо в таком случае может быть исключена независимость.

Центр «Карта» не имеет постоянных дотаций, поэтому он сталкивается с проблемой поиска средств на текущую деятельность. В настоящее время без значительной, единовременной поддержки или же без организационных изменений будет сложно сохранить то, что остается для центра «Карта» самым важным. Если не найдутся соответствующие средства, центру придется частично ограничить свою деятельность или сдать свои позиции.

13 февраля 2012

Богдан Здроевский (министр культуры) на пресс-конференции:

Я в очередной раз оказался в ситуации, когда должен помочь центру «Карта», и делаю это с величайшим удовольствием, сознавая в то же время, что это лишь самая неотложная помощь. И что период этого безотлагательного вмешательства министра культуры должен иметь свои пределы: нам следует перейти к постоянной, гарантирующей стабильность деятельности «Карты». Я полон уважения в отношении всего того, что достигнуто центром «Карта», который начал свою деятельность в начале 1982 года.

Мое заявление о поддержке центра прозвучало несколько дней тому назад в непосредственной беседе со Збигневом Глузой. Я предоставляю помощь в сумме полумиллиона злотых, эти финансовые средства будут выделены из специального фонда Государственных архивов путем увеличения дотаций, предназначенных специально для этого учреждения. И благодаря этому мы избавимся от опасности, грозившей центру в 2012 году.

Кроме того важные проекты, рассматриваемые министром, также получают поддержку в виде средств, направляемых на издательскую деятельность. Мы попробуем решать проблему целенаправленно, в долгосрочном плане.

16 февраля 2012

Анджей Вайда в письме центру «Карта»:

Я просто счастлив, что «Карта» наконец дождалась того, что ей положено, а именно постоянного финансирования! И что нам уже не приходится опасаться за ее судьбу. Теперь мы знаем, что она по-прежнему будет с нами, будет нас сопровождать и прояснять сложные моменты как в нашей истории, так и в истории наших ближайших соседей.

18 февраля 2012

Александр Квасневский в письме «Карте»:

В основе заботы о том, чтобы сохранить формат неправительственной организации, которая отмежевывается от влияния современной политики, лежит глубокое доверие к вам со стороны людей, имеющих разные взгляды, объединенных уважением к истории, опирающейся на проверенные факты и оценки, в основе которых лежат общепринятые ценности и принципы научной работы. Во всем этом мне видится заслуженный повод для вашего удовлетворения, а для других — в том числе для меня — источник восхищения и признательности.

2: КОЛЫМСКИЕ ДНЕВНИКИ

День VI

Ола. 30 километров к востоку от Магадана

Эту ночь я проведу... Даже не верится. У дочери Ежова. Того самого! Ежова Николая Ивановича, наркома внутренних дел, прозванного железным наркомом, главного комиссара советской госбезопасности, на совести которого сотни тысяч... какое там — миллионы человеческих жизней.

Представляете?! Он был наследником чудовища Ягоды, предшественником страшного Берии, но жестокостью превосходил их обоих. Этот пьющий до потери сознания дегенерат лично пытал и убивал узников. Время «большой чистки», когда он руководил госбезопасностью, получило название ежовщины. Возможно, самые кошмарные двадцать шесть месяцев за всю тысячелетнюю историю России, кто знает. Завершился этот период 1938-м расстрельным годом.

Ежов был психопатом, буруемаемым манией величия. В народе ему дали прозвище «кровавый карлик». Наверное, это один из страшнейших монстров, каких только рождало человечество, а я у его дочери сию попиваю чай, двадцать седьмой стакан.

Я знал, что она живет на Ленина, 37. Средний подъезд. Ну, я иду снизу и колочу подряд во все двери. Они сплошь железные. Ни один звонок не работает. Никто из жильцов не знает, кто соседи, и мало кому фамилия Ежов о чем-либо говорит.

У Наталии Николаевны только одна комната. В коридоре под портретом хозяйкиного батюшки я раскладываю на ночь матрас, потом выскакиваю купить чего-нибудь на ужин.

«Кулинария» в Оле — это такой магазинчик с баром очень быстрого обслуживания, где можно выпить пива и мерзкого китайского кофе «три в одном» (кофе, молоко и сахар в одном пакетике). У меня есть банка икры, добытой на рыбалке, но нужны хлеб и масло. Наталия Николаевна живет очень бедно.

Заодно я делаю открытие, что не обрусел еще окончательно. «Обрусеть», «обрусевший» — довольно обидные слова, означающие саморазрушение. Их употребляют представители нерусских народностей, говоря о соплеменниках, которые забыли свой язык. Якуты, когда хотят выразить презрение к таким людям, называют их маргиналами. Это те, кто сам себя выбросил на обочину жизни.

Первые две недели пребывания в России какие-то отделы моего мозга вынуждены переводить на польский всё, что я слышу или хочу сообщить другим извилинам. Позже я думаю уже по-русски. И вот он, случай убедиться, что это не совсем так. Я покупаю масло, хлеб и спрашиваю, нет ли чего горячего на вынос. Есть языки под соусом и печенье с луком. Разумеется, я решил порадовать себя «печенью». У Наталии Николаевны выяснилось, что «печень» — это печенка. Ну, понятно! А я принял ее за жаркое